

З А Р У Б Е Ж Н Ы Е Za-Za З А Д В О Р К И

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
БУМАЖНЫЙ ЖУРНАЛ/ «БУМЖУР»**

№ 12 (42), декабрь 2017

В НОМЕРЕ:

Редакторская страничка	2
Интервью с Владимиром Алейниковым к 55-летию литературной работы	3
Сергей Шилкин. Обездоленный ангел. Стихи	17
Осип Бес. Впереди была дорога назад. (Автостопный рассказ)	25
Михаил Ковсан. Журчит прозрачным временем ручей. Поэма	45
Евгений Жироухов. Простая, как бублик, жизнь. Рассказ	63
Владимир Кремер. Я привыкаю к простоте. Стихи	70
Светлана Лось. Послевкусие. Эссе	72
Ульяна Шереметьева. Осенний синдром. Стихи	92
Александр Балтин. Гофманиана (фантазмагорическая повесть)	97
Лауреаты Международного поэтического конкурса «45 калибр» имени Георгия Яропольского 2017года:	134
Юлия Зайцева. Провинциальное. Стихи	134
Юлия Шокол. Дыхание. Стихи	138
Александр Ланин. Шекспир, Шолохов и другие. Стихи	141
Ефим Гаммер. Хронпас. Мозаичная повесть мятежного столетия	145
Надежда Малышкина. Зима пришла... Стихи	181
Муса Мураталиев. Хозяин стояка. Повесть	189
Иосиф Гальперин Комната без дна	221
Анатолий Ливри. Слияние. Стихи	227
Ирина Постернак. Московский гнозис. О романе Киора Янева "Южная Мангазея"	231

**Дюссельдорф
2017**

Ульяна Шереметьева. Осенний синдром. Стихи

Ульяна Шереметьева — художник, выпускница МВХПУ им. Строганова, Москва. Член Союза художников России, Германии и Международного художественного фонда. Множество публикаций в различных альманахах и сборниках, в том числе двуязычных, в ведущих литературных изданиях Германии: «Edita», «ВЕК ХХ1», «Литературный европеец», в антологии «Поэты русского зарубежья» (СПб Алетейя), в различных онлайн изданиях: «Русское литературное эхо», «Студия», «Метаморфозы», «Эмигрантская лира», «Под небом единым», «45-я параллель». Автор трёх поэтических сборников, победитель ряда международных поэтических конкурсов и турниров, проходивших в Германии и России, в том числе — победитель VI Международного конкурса «Лучшая книга года — 2015», Франкфурт на Майне, лауреат IV Международного поэтического конкурса «45-й калибр им. Георгия Яропольского». Участница выставок, арт-проектов, литературных встреч и фестивалей. Живёт и работает в Потсдаме, Германия.

Этот поэт превосходно слышит, легко, полетно запечатлевает музыку повседневности, звучанье каждого дня:

*Берлинская осень... а есть ли она?
Возможно, по паркам сидит на скамейках...
а в городе та же царит кутерьма,
и каждый сезон представляет римейки...*

Здесь осень — подруга, здесь манекен оживает и ищет взгляда человека, здесь всемерно одушевлен ноябрь, он богато наделен (будто драгоценное ожерелье надели ему на грудь!) вереницей эпитетов, и среди них и вещные, и погодные, и настроенческие, и зверьи, и человечьи:

*В этот раз ноябрь какой-то совсем иной:
грозовой, непокладистый, норовистый,
беспокойный, нахрапистый, озорной,
несговорчивый, сбивчивый, мглистый.
Неврастеник он, шулер и полиглот,
то в трубу водосточную шумно дышит,
то, бессонницей вспорот, закрыв ей рот,
с вечной скрипкой взлетит на крышу...*

Так природа и сам воздух, человек и изделия его мысли и рук, небо и земля, пропитываясь друг другом, становятся одним: одной субстанцией, из которой и растут крылья рифмы.

Ульяна Шереметьева знает цену благородству интонации, культурным аллюзиям, уникальности чувства. Не пропустите, вдыхая эти строчки, тот миг, когда эта поэзия возьмет вас в плен, "заглушая стук сердца, замедляя дыханье и шаг..."

Елена Крюкова

Город полнится осенью — до краёв,
по самые крыши и выше —
доставая до вычурных в небе буёв,
заполняя дворы сквозняком да ниши,
ненароком просачиваясь в строку,
в объектив фотокамеры, в водосточные трубы...
в общем, бдительным надо быть, начеку,
а не то обовьёт, зацелует в губы
эта осень бредовая, заморозит,
а потом служить при себе оставит —
вот и лист ею тронутый, чуть дрожит,
а ворона, слегка картавит...

Тихий шелест, в полтона лишь...
то дожди отпевают лето.
Сиротливо в окно глядишь —
вместо улицы катит Лета.
Лодки Audi и Porsche
сбились в стаю, и, день листая,
обнажённой чем экорше
я сейчас и почти пустая,
в стылой комнате вновь одна
накаляющейся нитью...
Пробиваясь ростком со дна
осеняет меня наитье.

Осень привычно целует в темя,
нервно ладонь продевая в перчатку,
не собираясь стреножить время,
если и вкралась в него опечатка.
Замкнутость круга — свёртки да свитки
в вящей сумятице, будь неладна...
Спутаны, дремлют живые нитки,
ждут возвращения ль Ариадны?
Может, найду в лабиринте суток,
кем-то продуманной сложной кладки,
выход, заслышав летящих уток
в верхнем регистре моей тетрадки?
Может, подарит косматый космос
миг волшебства, приоткрыв затворы,
где дирижирует Paradoxos,
такты тасуя, мажор с минором.
И вдруг услышишь строку-другую,
и поплывут за окном планеты...
кто-то далёкий поймёт — не лгу я,
стих мой в просторе поймал И-нета.

Хрестоматийная хандра,
привычная, как чашка чая...

с постели, будто бы с одра,
встаёшь и, дней не различая,
идёшь по кругу, по кривой,
по кем-то заданной спирали,
по некой стрелке часовой,
а, если против, чтоб вначале
вдруг оказаться — так нельзя,
жизнь против правил, что удавка,
с ней в поддавки б, слегка скользя
по склонам, да тщедушный Кафка
так и не смог, и сонм иных,
не породнившись с их ролью,
оставив в пепле запятых
свой спор со временем, с юдолью.

Берлинская осень... а есть ли она?
Возможно, по паркам сидит на скамейках...
а в городе та же царит кутерьма,
и каждый сезон представляет римейки.
Всё также трамваи снуют и авто,
вот я на зелёный лечу перед Смартom,
отметив, что платья сменили пальто,
и это — надолго, до тризны по марту...

Меня узнаёт манекен за стеклом,
но взгляд худосочной подружки надменен,
а, может быть, это осенний синдром,
как сон затяжной, но, надеюсь, — безвреден.
Привычность маршрута — неона огни,
и зданий массивны вокруг силуэты,
и, кажется, давят на плечи они,
а, может, для них слишком хрупки поэты...

Извлекая звуки из струн дождя,
вот октябрь октаву берёт для эха,
лужи только мысленно обходя,
позади себя оставляю веху.
Вздохом прямо в терцию попаду
к шёпоту травы, что в бреду извечно,
мне привычно с осенью быть в ладу
и брести одной в темноте с конечной.
Фонари безропотны, как всегда,
мокрый свет струится, стекая в строфы,
где порой обычная ерунда
в ракурсе строки обнажает стропы.

Кажется, в дожде потонул весь мир —
у домов набухли от влаги стены,
стих взметнулся птахой — поверх квартир,
примостился смело на край антенны.
Неказистый вечер свою печаль,

убаюкав, мокрой листве доверит...
подсыхают в доме пальто и шаль,
лужица от туфель у самой двери.
Чайник закипит, подарив тепло,
запах кофе мысли вернёт в реальность,
дождь ладонью мокрой протрёт стекло,
пропуская в дом мой ночи сакральность...

Строчки тянутся к осени,
пусть не родственной, всё же родной,
ибо осень способна лишь
быть от болдинской — до прободной,
истекая закатами,
ливнями и краплагом,
продолжаясь стигматами,
рифмами и сквозняком
под полой пиджака,
в переулках, в подъездах, в ушах,
заглушая стук сердца,
замедляя дыханье и шаг...

В этот раз ноябрь какой-то совсем иной:
грозовой, непокладистый, норовистый,
беспокойный, нахрапистый, озорной,
несговорчивый, сбивчивый, мглистый.
Неврастеник он, шулер и полиглот,
то в трубу водосточную шумно дышит,
то, бессонницей вспорот, закрыв ей рот,
с вечной скрипкой взлетит на крышу,
тронет струны слегка смычком,
горбоносый, забудется с ней до рассвета...
и заставит всю ночь пролежать ничком,
превратившись в слух по канве сюжета.
То предстанет потом — аки стражник строг,
то мальцом юродивым в переходе
собирает милостыню из строк,
и людскую скупость не судит вроде...

Осень метнёт чаевые и выйдет вон
из игры, из себя ль, в отставку...
в спешке поставит тебя на кон,
может, в тетради — правку.
Ей, необузданной, ведомо лишь
в чём многоточия точность...
сядет на облако Потсдам — Париж,
(ей безразлична прочность)
и улетит, вслед за нею — листва,
лебеди белой стаей...
мы остаёмся — рабы да паства,
будни свои листая,

чтоб не одну исписать здесь тетрадь
нервным, шальным курсивом,
где, ошибившись, нельзя лишь врать,
чай отхлебнув ли, пиво...

А чаевые померкнут, сгниют
на тротуарах мокрых,
разве что грусть обретёт свой приют
в строчках с оттенком охры.

Бесприютная темень на приманки скупа...
вот впадают дожди в немоту местной Леты,
а вдоль улиц — светящиеся черепа
фонарей молчунов да деревьев скелеты...

Время вышло за рамки — нули на табло,
наполняются болью строка и аорта.
Быть затерянным здесь ли, в Орле, в Фонтенбло,
с некой разницей в стиле жилья, натюрморта...

Мёртвый лист на стекле — быстротечности след,
и немой телефон — лишь порука сиротства,
и привычно я кутаюсь в старенький плед,
доверяясь стиху, приходя к первородству...

Совы в доме моём. Сов — семь:
из стекла, из керамики, плюс — из леса.
Я без них одичала б совсем,
ибо нет иных интересов,
кроме как колдовать над холстом,
добывая свой хлеб надсущный...
ночь охлещет дождя хлыстом,
смоет знаки кофейной гущи
с тротуаров, кустов каре
обнадёжит кустарной ложью...
Я поставлю вот здесь тире —
некий мостик по бездорожью,
чтоб ступить на ступень строки,
эскалатор стиха подхватит...
будет совестно, не с руки,
проставлять под столбцом дань даты.
А потом у совы лесной
справлюсь — Сколько там до рассвета?
...мне ответит, что час — седьмой,
и не плохо б вздремнуть поэту.

Редактор:

Е. Жмурко (Германия)

Редакционная коллегия:

Владимир Порудоминский (Германия), Инна Иохвидович (Германия),

Светлана Лось (Канада)

Рецензенты: Елена Крюкова (Россия), Ирина Жураковская (Украина), Олеся Янгол (Латвия), (США), Наталья Борисова (Германия).

Художник: Ольга Федорчук (Украина)

Copyright © 2013–2017 Зарубежные Задворки

ZA-ZA Verlag: www.za-za.net

Düsseldorf, декабрь 2017 — 241 с.

Гарнитура «Verdana»; кегль «11»

Отпечатано в типографии LULU, USA,

*Распространение в России и СНГ —
издательство КАРАМЗИН.*